

Проснулся Лу Силай поздно. Зевая во весь рот и то и дело потирая заспанные глаза, он всё же заставил себя подняться — уговор с Девятым принцем обязывал. Наспех умывшись, он на бегу закручивал волосы в узел, петляя по длинным галереям поместья. Слуг нигде не было видно, в трапезной завтрака тоже не нашлось. Поглаживая пустой желудок, Силай решил было выскочить за ворота и перекусить чем-нибудь на рынке, но в карманах, как назло, не обнаружилось ни единого медного гроша.

Он уже проносился мимо главного зала, когда его остановил резкий окрик Янь Шэня:

— Стой.

Пролетев по инерции ещё несколько шагов, Лу Силай поспешно затормозил и боязливо заглянул в зал, пытаясь угадать по лицу хозяина, в каком тот расположении духа.

Премьер-министр уже сменил чиновничье платье на простое домашнее одеяние. Он сидел в кресле, подтянутый и статный; лицо его было спокойным, и в нём даже сквозила непривычная теплота. Силай выдохнул с облегчением.

— Господин, — позвал он.

— Угу, — отозвался Янь Шэнь. Он поставил чашку с чаем, поднялся и, поправляя рукава, вышел навстречу. — Проголодался?

Силай энергично закивал, не переставая поглаживать живот.

Цзайсян прошёл мимо него, направляясь к выходу. Голос его звучал чисто и бодро — похоже, настроение у него и впрямь было отменным.

— Чего бы тебе хотелось?

«Неужели сам господин Премьер-министр решил меня угостить?» — Силай просиял и бросился следом.

Он едва поспевал за Янь Шэнем, который в светло-фиолетовых одеждах уверенно лавировал в плотной рыночной толпе. Лу Силай крутил головой по сторонам и наконец ткнул пальцем в сторону шумной, облепленной народом лавки с баоцзы.

— Булочки с мясом!

Неприхотливый парень. Янь Шэнь усмехнулся и, не заботясь о том, насколько его дорогие шелка диссонируют с окружением, сам нырнул в гущу людей. Вскоре он выбрался обратно, неся два дымящихся бумажных свертка.

Обратно они шли бок о бок, на ходу уплетая горячие булочки. Силай то и дело косился на спутника — в светлом платье Янь Шэнь выглядел совсем юным. Его манера есть тоже оказалась своеобразной: в нём не было ожидаемой чопорности. Он широко откусывал от баоцзы, а затем медленно и основательно пережевывал, ни на что не отвлекаясь.

Силай засмотрелся так сильно, что едва не уткнулся носом в лицо премьер-министра, пока тот не перевёл на него взгляд. Силай тут же отпрянул.

— Чего уставился?

— Да так... ничего! — Лу Силай поспешно мотнул головой и, давясь, проглотил кусок, после чего впился зубами в новую порцию.

Янь Шэнь недовольно хмыкнул, отвернулся и снова отправил в рот сочную булочку.

Когда они подошли к воротам поместья, завтрак был практически закончен. Силай всё ещё с вожделением поглядывал на оставшиеся у хозяина баоцзы, как вдруг он услышал шум шагов. Перед входом как раз остановился паланкин.

Силай легонько толкнул Янь Шэня локтем и насмешливо прошептал:

— Гляньте-ка, носильщики так запыхались, будто сорок вёрст без передышки бежали.

Не успел он договорить, как занавески паланкина раздвинулись и на свет явился тучный господин Шаншу. Силай прыснул:

— Ну точно! Я так и знал.

Если Лу Силай так и лучился весельем, то Янь Шэнь невольно нахмурился. Их вчерашняя «стратегия пустого города» сработала, но долго водить за нос столичных чиновников было невозможно.

На этот раз Гуань Ваньхэ обошёлся без долгих церемоний. Кратко изложив цель визита, он велел слугам вынести другой кусок нефрита, привезённый из поместья князя Нинъяна.

Все собрались в главном зале. На высоком столе лежали два бруска почти идентичного цвета. Сейчас жизнь и смерть поместья премьер-министра зависели от того, в какую сторону качнутся весы.

— Господин Янь, дабы всё было честно, ваши люди не должны касаться весов, — Гуань Ваньхэ покосился на стоящего рядом Силая, явно опасаясь его ловкости.

Силай лишь беззаботно вскинул голову и пренебрежительно свистнул, подумав про себя: «Ты ли, Гуань Ваньхэ, смеешь заикаться о честности?»

Первым на весы положили нефрит из княжеского поместья. Весовщик осторожно закрепил камень, приподнял коромысло и, подогнав гирьку, громко объявил:

— Восемнадцать лянов и три фэня!

Когда его рука потянулась к нефриту, лежавшему на серебряном подносе Янь Шэня, премьер-министр со вздохом закрыл глаза. Тишину нарушил резкий хлопок. Раскрыв глаза, Янь Шэнь увидел Силая с веером в руках, а слуга Шаншу в это время обиженно баюкал ушибленную руку.

Гуань Ваньхэ тут же отставил чашку и в ярости ткнул пухлым пальцем в сторону парня:

— Линь Яньдун! Ты смеешь препятствовать правосудию?!

— Как можно, — усмехнулся Лу Силай. — Только ведь этот нефрит — дар самого князя, да ещё и хранит в себе Ледяного Будду Его Величества. Вещь дороже золота. Разве можно позволять кому попало вертеть её в руках туда-сюда?

Лицо Министра юстиции перекошило:

— Ты хочешь сказать, что я не имею права проверить этот нефрит?!

— Отнюдь. Господин Шаншу, раз уж вы пришли — проверяйте. Но давайте договоримся: это в последний раз. Не стоит таскаться к нам каждые три дня с проверками, ладно?

Гуань Ваньхэ поспешно закивал, но в душе его скребли кошки — ощущение было такое, будто его, как нерадивого ученика, отчитывает строгий наставник.

Получив заверение, Лу Силай спрятал веер в рукав и сам взял камень с подноса. Гуань Ваньхэ, до смерти боявшийся подвоха, закричал:

— Положи! Положи сейчас же! Отойди от него подальше!

«Твой это камень или мой?» — Силай усмехнулся, но всё же передал нефрит стражнику и неспешно подошёл к Янь Шэню. Тот выглядел неважно. Заметив, как хозяин стиснул зубы, Силай едва удержался от того, чтобы коснуться его лица и разгладить морщинку между бровями.

Вместо этого он просто на мгновение сжал ладонь Янь Шэня. Почувствовав, как господин расслабляется, Силай поймал его ответный взгляд. В это мгновение ему показалось, будто он вернулся на семь лет назад, на заснеженную пустошь, и снова видит тот полный отчаяния и хрупкости взгляд измученного юноши.

Силай внезапно смутился и опустил голову. Сердце в груди заколотилось — и кто знает, был ли это один лишь страх?

Стражник аккуратно установил камень на весы. Весовщик приподнял коромысло и принялся двигать гирьку. На этот раз он долго хранил молчание, проверяя и перепроверяя результат. Вскоре на его лбу выступили капли пота.

Видя замешательство подчинённого, Гуань Ваньхэ, доселе мирно попивавший чай, занервничал.

— Ну что там? Сколько лянов?

Весовщик наконец зафиксировал гирьку и заикаясь произнёс:

— Докладываю... господин... этот нефрит... весит всего... пятнадцать лянов и один фэнь.

Шаншу едва не подпрыгнул в кресле:

— Быть не может!

Он бросил испепеляющий взгляд на Силая, который в ответ лишь невинно пожал плечами. Покраснев от гнева, Гуань Ваньхэ подлетел к весам и вырвал их из рук слуги, чтобы проверить лично.

Наблюдая, как лицо Министра становится всё мрачнее, Лу Силай подошёл ближе и как бы невзначай заглянул через плечо:

— Ой, и правда... пятнадцать и один?

Эта фраза стала последней каплей. Господин Шаншу окончательно потерял лицо. В ярости швырнув весы, он велел забрать княжеский нефрит и, залившись краской стыда, поспешно ретировался из поместья вместе со своей свитой.

Лу Силай проводил их взглядом до ворот и уже собирался было сам ускользнуть со двора, как Янь Шэнь крепко перехватил его за руку. Силай в замешательстве обернулся.

— Что... что случилось?

—... — Янь Шэнь выглядел растерянным. Помолчав, он негромко произнёс: — Линь Яньдун.

— Да?

— Я и впрямь... никак не могу перестать видеть в тебе Лу Силая, — с этими словами он разжал пальцы.

Это признание прозвучало так внезапно, что Силай на миг опешил. Пытаясь унять учабившееся сердцебиение, он развернулся и спросил:

— Но почему?!

«Потому что вокруг тебя, как и вокруг него, вечно случаются чудеса? Потому что на тебя, как и на него, хочется опереться?»

Янь Шэнь уже не был ребёнком и не мог заставить себя произнести такие слова вслух. Он лишь горько усмехнулся про себя и, резко развернувшись, ушёл вглубь дома.

Силай чувствовал смятение, но медлить было нельзя — его ждали в поместье князя Нинъяна. Оставив премьер-министра наедине с его думами, он со всех ног бросился к выходу.

Чжао Цзинжэнь рвал и метал.

Неудивительно, что Гуань Ваньхэ вчера назвал подарок «куском булыжника»! Хоть Министр юстиции и был никчёмным чинушей, в драгоценностях он разбирался — жадность обязывала. Князь наконец сообразил: Лу Силай просто купил на рынке дешёвую подделку схожего цвета и выдал её за сокровище!

«Лу Силай, за кого ты принимаешь принца крови?!»

Гуань Ваньхэ молча наблюдал за вспышкой ярости Нинъяна. Тот кипел, но не произносил ни слова, напоминая неисправную петарду. Когда князь с треском швырнул на землю только что купленный веер из белого нефрита, Шаншу, всегда дороживший каждой копейкой, ощутил почти физическую боль в сердце.

Драгоценный веер разлетелся вдребезги, но Чжао Цзинжэню этого показалось мало. Он схватил увесистую нефритовую шкатулку, намереваясь разбить и её. Глаза Гуань Ваньхэ

округлились, сердце подпрыгнуло к самому горлу.

— Ваше Высочество!

Доклад слуги прозвучал как раз вовремя. Подбежавший раб замялся, увидев гнев хозяина, но всё же решился:

— Тот книжник...

При этих словах Гуань Ваньхэ с изумлением увидел, как князь мгновенно опустил шкатулку обратно на стол и, взяв себя в руки, бросил:

— Зови его.

Не успели слова затихнуть, как послышались весёлые шаги. Силай вынырнул из-за колонны и шутливо подтолкнул слугу:

— Я же говорил, не надо докладывать!

— А? Линь Яньдун? — Гуань Ваньхэ вздрогнул. Мир тесен.

Лу Силай тоже соорил озадаченную мину:

— Ой, господин Шаншу? Вы ещё здесь?

Чжао Цзинжэнь к этому времени окончательно остыл. Подумав, он произнёс:

— Ах да, господин Министр. Помощь коллеге — дело житейское, не стоит благодарностей.

Гуань Ваньхэ опешил, но, будучи старым лисом в закулисных играх, тут же сообразил, к чему клонит князь. Похоже, Князь Ниньян не хотел, чтобы кто-то знал о его причастности к этой интриге.

— В таком случае, раз вещь возвращена владельцу, позвольте откланяться, — Гуань коротко поклонился и поспешно увёл своих людей.

Лу Силай стоял, покачиваясь с пятки на носок, пока Шаншу не скрылся из виду. Как только ворота за ним закрылись, парень с сияющей улыбкой подскочил к Чжао Цзинжэню. Тот, однако, сухо уклонился от объятий и уселся в кресло-качалку, не скрывая недовольства:

— Поддельный нефрит, поддельный лёд... обманул и князя, и Императора. У тебя не голова, а медный котелок — ничего не боишься.

Силай, будто внезапно устыдившись, понуро опустил голову и замер рядом. Видя его таким, Чжао Цзинжэнь сразу остыл наполовину, но всё же сердито хмыкнул:

— Будь на твоём месте кто другой, десяти голов не хватило бы, чтобы расплатиться.

Почувствовав, что сердце старого развратника смягчилось, Силай осмелился подать голос:

—... Я виноват. Признаю. — А затем добавил еле слышным шепотом: — Но вы же сами сказали, что я могу делать с этим нефритом что угодно...

— У тебя совесть вообще есть?! — Чжао Цзинжэнь снова вспыхнул. — Где мой настоящий нефрит?!

—...

Заметив, как парень пожал плечами, князь окончательно вышел из себя:

— Ты что, выбросил его?!

— Как можно! — Лу Силай поспешно извлёк из-за пазухи сверток, бережно завернутый в носовой платок. — Такую ценную вещь... разве рука поднимется выбросить?

Князь чувствовал себя так, будто его самый дорогой подарок попросту оплевали. Сдерживая гнев, он вырвал сверток из рук парня. Но, ощупав его через ткань, Чжао Цзинжэнь нахмурился — форма была совсем не той.

Развернув платок, он не нашёл там нефритового бруска. Вместо него на ладони лежала подвеска. Приподняв её за шнурок, князь замер, и гнев медленно сменился изумлением.

На свету завращался искусно вырезанный нефритовый дракон, живой и стремительный. На жемчужине, которую дракон сжимал в лапах, едва заметно виднелся выгравированный иероглиф «Чжао». Вспомнив, что он родился в год дракона, Чжао Цзинжэнь ощутил, как тёплая волна нежности затапливает грудь, вымывая остатки злости.

Просидев в оцепенении несколько мгновений, он наконец беспомощно улыбнулся. Отложив подвеску в сторону, он притянул Лу Силая к себе на колени. Они медленно раскачивались в кресле. Силай не сопротивлялся, лишь тихо спросил:

— Плохо вырезал?

Наслаждаясь едва уловимым ароматом, исходящим от одежд парня, Чжао Цзинжэнь прикрыл глаза, уткнувшись носом в его плечо. Его руки по-хозяйски легли на талию Силая.

— Твоя работа... я всегда буду носить её при себе, — пробормотал он.

Атмосфера была полна неги и томления, но Лу Силай, как всегда, умудрился всё испортить своей неуместной прямоотой:

— Ну... я просто боялся, что ты так разозлишься, что велишь меня казнить. Решил приберечь это как последний козырь для помилования.

В следующее мгновение Чжао Цзинжэнь помрачнел. Он резко дернулся, сбрасывая Силая с колен. Парень с коротким «ой!» приземлился на пятую точку прямо на садовую дорожку.

— Пошёл вон! — рявкнул князь.

<http://bllate.org/book/17426/1694676>